

Елена Татузова

Б Ы Т Ь И З Б Р А Н Н Ы М

Сборник
историй

Елена Татузова

**Быть избранным.
Сборник историй**

«Издание книг ком»

2017

УДК 82-3
ББК 84-44

Татузова Е.

Быть избранным. Сборник историй / Е. Татузова —
«Издание книг ком», 2017

ISBN 978-5-91775-345-4

Представленные рассказы – попытка осмыслить нравственное состояние, разобраться в проблемах современных верующих людей и не только. Быть избранным – вот тот идеал, к которому люди призваны Богом. А удастся ли кому-либо соответствовать этому идеалу? За внешне простыми житейскими историями стоит желание разобраться в хитросплетениях человеческой души, найти ответы на волнующие православного человека вопросы. Порой это приводит к неожиданным результатам. Современных праведников можно увидеть в строгих деловых костюмах, а внешне благочестивые люди на поверку не всегда оказываются таковыми. При этом автор далек от морализаторства, рассказы читаются легко. О важных и сложных вещах Елена Татузова умеет писать с юмором и без навязчивой назидательности. Зачастую в сборнике комическое переплетается с трагическим, грустное со смешным.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91775-345-4

© Татузова Е., 2017
© Издание книг ком, 2017

Содержание

Вася	6
От рясы рукава	12
Стул и столяр	22
Бедность	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Татузова

Быть избранным. Сборник историй

«Рассказы написаны с душевным вниманием к своим героям, можно вместе с ними переживать и радоваться. Диалоги звучат живо, ситуации реальные и образы, например, священников, прочувствованные и не надуманные. Хотелось бы продолжения историй, начатых в рассказах Елены Татузовой. Ну и, конечно, иных характеров и новых жизненных ситуаций».

Протоиерей Георгий Завершинский Благочинный приходов Шотландии и Северной Ирландии Русская Православная Церковь Сурожская епархия

«Рассказы Елены Татузовой представляют собой доброе, теплое, не лишенное юмора повествование о нашей церковной жизни, об отношениях между людьми, о том, как непросто дается путь человека к Богу, и какие казусы порой встречаются на этом пути. Елена весьма умело изображает характеры, внутренний мир, переживания и умонастроения своих героев. Всё описанное почерпнуто из реальной жизни. При этом талант автора сказывается в умелой передаче внутреннего смысла событий. При всех неурядицах описываемых героев, перед нами предстает широта жизни русского человека, его задушевность, простота и искренность. Чувствуется что-то родное и близкое. А главное – за вроде бы юмористическим описанием изображается шкала добра и зла, должного и недолжного, подлинной добродетели и незаметных соблазнов, подстерегающих человека там и тут. Хочется читать и читать, не расставаться с этими рассказами. Читатель несомненно почерпнет значимый урок».

Священник Валерий Духанин, кандидат богословия, проректор Николо-Угreshской духовной семинарии.

Вася

Начало лета выдалось мокрое, хлюпающее, залило сады и огороды нескончаемыми холодными дождями, разводя сырость, слизней, грибные болезни, и безвозвратно губя урожай. Но к июлю, в аккурат на Петра и Павла, природа вдруг словно опомнилась, стала торопливо исправляться, спасать свое хозяйство. Дожди резко прекратились, и городок в одночасье душной шапкой накрыла нещадная жара.

Отец Сергей с трудом отслужил воскресную обедню, пыхтя и беспрестанно утирая платком со лба пот, произнес недлинную, но яркую проповедь. Когда все приложились, отнес тяжелый серебряный крест в алтарь, и снял с себя облачение.

Матушка, прихватив детишек, еще раньше убежала с клироса, торопясь накрывать на стол. Накроет его, наверное, в саду, на вольном воздухе, под старой грушей, или на прохладной веранде, густо оплетенной хмелем и медово-духмяной каприфолью. Внучата станут ей помогать; девочки будут чинно раскладывать тарелки и приборы, а мальчишки, как обычно, примутся носиться друг за дружкой, шуметь и смеяться.

А на столе обязательно будет стоять запотевший, прямо со льда, большой тяжелый графин с домашним квасом. Матушка так славно его умеет готовить, на ржаных сухариках, с какими-то пряными травками, в меру сладкий, и чуть с кислинкой. Самое то, чтобы утолить жажду в распаренном жарой теле. И он выпьет первые два стакана один за другим, прямо залпом, и лишь на третьем переведет дух и отхлебнет поначалу только половину, а потом медленно, с удовольствием, допьет остальное. О-ох, благодать! Отец Сергей сплотнул слюну, уже предвкушая в пересохшем горле холодную влагу и острые пузырьки любимого напитка.

– Батюшка, благословите котика кастрировать, – скрипнул за спиной несмелый хриловатый голос.

Отец Сергей по инерции прошел еще пару шагов, запнулся на полпути и обернулся. Рядом никого не было. В храме народу было еще полным полно, но поодаль. Прихожане разделились на неравномерные группки и жужжали как пчелы в улье. Время было горячее, летнее, у каждого огорода, хозяйства, забот полон рот. Где еще и увидишься, пообщаешься да новости последние вызнаешь, как не после воскресной службы. Вот и не расходились, пока бабки-помощницы гнать не начнут, мол, имейте вы совесть, убираться-то надо же. Им ведь, бабкам, тоже домой пора, к своим огородам да курам.

«Эко, как меня разморило-то... Мерещится уже невесть что», – удивился про себя отец Сергей, и снова развернул свое грузное тело в нужном направлении. По случаю праздничного дня он служил в полном облачении и весь взмок. В ризнице его дожидался свежий подрясник, приготовленный заботливой матушкиной рукой. Эх, устал... дают о себе знать годы, что и говорить, дают...

Теперь бы только домой добраться, а там уж легче станет. Освежится и обмоется прямо во дворе. Матушка станет поливать ему на спину ковшиком, черпая студеную колодезную воду из ведра. И внучата с визгом будут кружить вокруг, тут же придумав новую забаву брызгать друг на друга. А он будет смотреть на них, улыбаться и шикать на не в меру расшалившуюся ребятню, и растирать свое большое, покрытое пучками седых волос, тело жестким полотенцем. А потом наденет свежую просторную белую рубаху, и, никого не приглашая, зычно запоет праздничный тропарь. И все потихоньку затихнут, угомонятся, и соберутся рядом, и станут подтягивать, кто умело, а кто и не очень. И, помолившись, рассядутся они за большим круглым столом. А он вытянет свои гудящие от усталости немолодые, подточенные варикозом ноги, давая им, наконец, заслуженный отдых.

– Батюшка, благословите... кота кастрировать, – снова догнал его скрипучий голос.

«Вот напасть-то! От жары, что ли такая ерунда в голову лезет? Господи, помилуй», – взмолился священник и на полном ходу резко обернулся. И тут же нос к носу столкнулся с лысоватым, просто одетым мужичком, не успевшим отскочить в сторону при неожиданном маневре священника.

– Чего тебе, братец, – не слишком приветливо спросил отец Сергей, поджимая пухлые губы.

– Да вот, жена послала... благословите... котика кастрировать, – сказал мужичок, неловко теребя в руках парусиновую кепку.

«Вот же взяли нынче моду, на что попало благословение испрашивать, – не без раздражения подумал отец Сергей. – Того и гляди, с таким направлением благочестия у паствы скоро буду ходить по дворам да благословлять то хряка оскотить, то курицу на яйца посадить, то обои поклеить...ох...»

Священник вздохнул, окинул взглядом неказистую фигуру своего прихожанина, пытаясь вспомнить его имя, но в памяти ничего не всплывало. Видать прихожанин не часто приступал к Таинствам, а иначе бы он его непременно помнил.

– Жена, говоришь, послала... понятно... А зовут-то тебя как, братец. Что-то имени твоего я не помню.

– Вася я... ну, то есть, Василий.

– Угу... Понятно... а котика как зовут?

– Так тоже Васькой.

– Угу, – кивнул отец Сергей удовлетворенно, – два Василия, значит, у вас в семье?

– Ага, два, – открыл в улыбке рот мужичок и показал желтоватые неровные зубы. – И на нас обоих жена ругается самыми поносными словами. Даже стыдно от людей, честное слово... Причем ведь и не разберешь-то... со стороны я имею в виду, кого ругает. Кричит на всю улицу, а там, поди пойми, мужа она чихвостит или кота паскудного. И тот ведь и другой Вася... Уж мне прям житья нету уже. Соседи все смеются... Говорят, от твоя-то, мол, вчера тебя опять костерила на чем свет стоит, а меня, верите ли, на тот момент и дома-то не было вообще! А это все этот гад хвостатый, Васька! Опять нашкодил: спустили его в подвал мышей ловить, а он, поганец, не мышей ловил, а сметану... две крынки разбил. А они на продажу были. Дачники заказ сделали, да задаток дали. Нина моя расстроилась, подвела людей... И ведь кормим же его, Ваську этого, заразу, как на убой. На, тварь такая, жри, только не лезь, куда не просят, так нет же... – мужик в сердцах рубанул воздух рукой. – Короче, намучились мы с ним. Вот Нинка, ну, то есть, жена моя, ее Ниной зовут, и предложила его – того, значит... ну, кастрировать, мол. Так будет поспокойнее. Он же у нас еще и гулящий больно, прямо мочи нет. Всех котов уже соседских подрал, а кошек обрюхатил. Вот Нина по телевизору видала, что если взять его хозяйство и – чик и нету! – то и проблем нету. Лежат они себе потом, коты такие, как подушки, хвостиком виляют, жизнью довольные... Ну вот, значит... и сметана целая будет, и котят нам не будут тащить со всей округи... ваше, мол, куда хотите, туда и девайте... так вот...

Священник слушал обвинительную тираду Василия, вытирая большим платком вспотевшую лысину и соображая, которая же из прихожанок доводится тому женой. Но услышав имя Нина, сразу смекнул, о ком идет речь и снова вздохнул. Ох, не скоро ему выпить прохладного квасу да сесть за трапезу, ох, не скоро. Он еще раз внимательно оглядел невысокую фигуру Василия и сказал:

– Молодец, Василий. Это очень похвальное и примерное благочестие на всякое важное дело брать благословение у священника.

– Ну, дак... все же таки мы не звери какие... и не нехристи... – засмущался от похвалы Василий, – оно ведь животное... какая никакая сволочь, а тварь Божия... так что, вот... бла-

гословите, батюшка, – сказал он смиренно и протянул к священнику сложенные лодочкой ладони.

– А давно ли ты, Василий, к исповеди приступал, – игнорируя «лодочку», строго спросил отец Сергей.

Василий удивился вопросу и неожиданной перемене темы.

– Э-э-э... ну, дак... – замялся он, переминаясь с ноги на ногу, – сами же знаете, как живем... времени же нет никогда... хозяйство там, куры, кролики, корова... то да се... опять же – огород... так что куда там...

– А у них у всех огородов и кроликов нет, что ли? – спросил священник, указав рукой на еще гомонящих тут и там по храму прихожан. – Или у Нины твоей работы меньше, чем у тебя? Не одно ли с тобой на двоих хозяйство она тащит? Но на службу в церковь однако ж регулярно ходит, и к исповеди, и к Причастию тоже. Так что это все отговорки.

Василий втянул голову в плечи и насунился. Лицо его сделалось недовольным и хмурым. Похвала ему понравилась куда больше.

– Ты мне тут такое лицо не делай, – погрозил пальцем отец Сергей, – а вот поди-ка ты в тот придел, да жди меня, а я за крестом и Евангелием схожу в алтарь. Исповедоваться будешь, Василий.

После этих слов Василий совсем сник и стал пятиться куда-то в сторону.

– И смотри мне, – грозно сказал священник, шевельнув седыми бровями, – сбежишь – предам анафеме! Так и знай, предам!

Василий в напряжении замер. Слово было для него новое, незнакомое, но, судя по тону, каким было произнесено, ничего хорошего ему не сулило. Поэтому сбежать он не решился.

И вскоре бледный, перепуганный Василий стоял и каялся в своих грехах, точнее сказать, пытался каяться.

– Ну дак... что тут скажешь... как обычно все... вот и ругался я матерно... и подрался с Петровичем, сменщиком моим... ну то ерунда... просто по пьяни... а так-то я обычно не злой... добрый даже... это всякий скажет про меня... так и говорят, мол, Васька – добрая душа, последнюю рубаху отдаст... да все отдаст... и вообще я не злой, я отходчивый... и не злопамятный совсем... и помочь не откажу опять же, коли что...

– Я не совсем что-то тебя понимаю, братец, – прервал отец Сергей, – ты в грехах своих пред Богом каешься, или наоборот, нахваливаешь себя?

– Ну, дак, каюсь, конечно... каюсь, однозначно...

– Ну, хорошо. Прости, Господи, – кивнул священник.

– Мда... и еще постов я не соблюдаю... и в церкву редко хожу... и не молюсь, конечно...

– Каешься ли в том?

– Каюсь.

– Прости, Господи.

Дальше последовала долгая пауза. Видимо, грехи у Василия кончились, и он стоял, просто молча опустив голову. Отец Сергей подождал немного, и уже поднял было епитрахиль с золотистой бахромой по нижнему краю, но раздумал и опустил.

– Ну? Чего замолчал? Все, что ли? – без напора спросил он Василия.

– Ну, дак... все, кажись... – пожал плечами покаянец.

– Угу... – священник пожевал губами, что-то вспоминая, и спросил, – а что Нина твоя года три уж, что ли, как охромела? Ведь прежде, помнится мне, нормальная была, здоровая на обе ноги. Чего хромает-то теперь?

– А-а, дак это... – краснея, сказал Василий, – такая история была там дурная... гм., это я ее случайно... по пьяни получилось... сами знаете, как бывает сильно булавка в голове бродит... Вот и бросил в нее березовым поленом... как раз дрова на дворе были, к зиме кололи...

думал, ведь, просто так кину, не попаду... а оно вишь ты, попал... случайно вышло... само получилось... прямо чудо какое-то... право слово, чудо...

– Да, уж, чудо, – хмуро сказал священник, – Что ж за чудо такое? Нешто полено само поднялось да полетело?

– Знамо, не само...

– То-то же... Ты не красней, как береста на угольях, а отвечай лучше. Так это ты жену покалечил или все же на чуде настаиваешь?

– Ну я... я, как есть, я...

– Каешься ли в том?

– ...Каюсь...

– Прости, Господи, – с сокрушенным вздохом сказал отец Сергей.

Василий снова замолчал.

– А родители твои, живы ли?

– Нет, – покачал головой мужичок, – померли уж. Сначала батя, а потом и мамка.

– Ну, Царствие им Небесное, – сказал священник и перекрестился. – Не обижал ли их? Хороший ли был ты им сын?

– Дак нет, не обижал, ей-Богу... так только, по малости если... пошумлю немного, как выпимши... а вообще нет, никогда, ни Боже мой, все как положено... с уважением...

– Так шумел всё ж таки?

– Ну... бывало...да... каюсь...

– Прости, Господи.

И опять замолчал Василий.

– Ну, а дети-то есть у тебя? – снова первым нарушил молчание священник.

– Дак есть, конечно, дочка есть... и сын...

– Тут живут или нет?

– Так известно, где – в большом городе. Теперь только все туда и едут, за семь вёрст киселя хлебать. Едва оперятся, родителей бросают и – фьют! Только их и видали. Вот такие неблагодарные выросли... не нужны мы им с матерью оказались-то на старости лет... никому не нужны...

– Так-таки и не нужны? Не приезжают, говоришь? Неблагодарные? А, может, они не от неблагодарности не приезжают вовсе, а от того, что ты с топором-то за ними по двору бегал?

Василий побледнел и засуетился. Кепка в его руках все больше превращалась в смятый грязноватый комок.

– А вы чего же... выходит, знаете про то? Это вам Нинка сказывала?... Дак ведь как... как тут не бегать... сынок-то мой на меня с кулаками киданулся... мамку он, видишь ли, защищал... а меня кто защитит... он же вымахал, детина-то, под потолок, и готов на отца родного руку поднять... А? Это как? А я куда против него... – Василий развел руками в стороны, демонстрируя свою неказистую статью и ища поддержки. – Я же вон, ему по плечо... отак вот, до сих пор... токо с топором и пришлось... и Нинку я в тот раз, ей-бо, пальцем не тронул... только пошумел чуток... а они... предатели, на отца-то... точно враги... дочка даже на свадьбу не позвала... внука не показывает... я для них всю жизнь тянулся, жилы рвал! Токо им все самое лучшее, а они... эх, нет в мире справедливости...

– Да уж, какая тут справедливость... А у них ведь не только отец, но и мать есть. А кто ее защитит, когда отец такой шальной? Об этом ты не подумал? Это что же по твоим понятиям выходит, тебя бить нельзя, а мать можно? Какая у тебя странная справедливость получается, братец.

– Да я и не бью же ее постоянно. Не завсегда же я такой, – защищался Василий, – так токо, для порядку, а то, если слабину давать, забудут, кто в доме хозяин...

– Ну и как? Теперь не забудут? Помнят хозяина? – спросил священник.

Ответа не последовало. Василий понуро молчал.

– Хозяин у нас у все один – Господь Бог. И Он нас учит Своим примером хозяйствовать с любовью. Сподобил тебя Господь родиться мужчиной, да еще дал тебе семью, коей ты поставлен главою, так ты и управляй той семьей мудро, а не так-то, братец... Это мыслимое ли дело, за родными детьми на посмешище людям с топором бегать? Ну, а если бы ты тем топором зарубил кого-нибудь, пусть и не желаячи? Ведь и полено запустил не желаячи, а жену покалечил. Как бы ты после того жил? Это ты своим детям враг, а не они тебе! И внука тебе не привозят, чтобы не показывал ты ему пример своей несправедной жизнью. Очень правильно делают.

Василий весь задрожал, замахал руками, словно отмахиваясь от страшных обвинительных слов.

– Дак я это... я разве хотел? Я разве детям своим хотел бы зло сделать... я же поугат только... и пьяный был... не отвечал за себя... это же как больной человек за себя не отвечает... пьянство – это же болезнь... так доктора говорят... что тут сделаешь... тянет меня... держусь, держусь, а потом как захочется выпить, так аж все кишки выворачивает, нутро горит...

– Ты мне эти сказки брось про свое нутро рассказывать. И врачей не приплетай. Больной он, видишь ли! Ишь, образованные все больно стали, понавыдумали болезней! Наркоманы – больные, алкоголики – больные, картежники больные, уже и те, кто на блуд бегают без остановки – тоже больные, на лечение ложатся в специальные клиники. Эх, как удобно теперь стало жить. Ни за что я не отвечаю. Больной я и все тут! Какой с меня спрос? Грехов уже не осталось, одни болезни медицинские множатся! Ах, какое лживое лицемерие! Все наши болезни вот тут! – сердито сказал отец Сергей и постучал себя кулаком в грудь. – Не пей – и не будешь алкоголик! Не бегай за каждой юбкой – и не будешь сексоголик, или попросту говоря, блудник! Не стремись вмиг разбогатеть без труда, вот и не понадобятся игры и казино! И жизнь свою делай сам, работай, а не от жизни бегай, вот и наркотики не нужны будут! Все болезни от больного духа! И врач у них один – Господь Бог!

Священник в сердцах топнул ногой.

– Вот ты! – ткнул он пальцем в грудь Василию, – Ты же не каешься вовсе! Юлишь только, да вертишься, как бес перед заутреней! У тебя же все время кто-то другой виноват: то дети, то полено, то топор, то водка. А ты сам? Ты-то что за человек, что тобою бутылка управляет? Жене жизнь губишь, родителей обижал, детей разогнал, внуков не видишь... Ты с чем на тот свет-то похалуешь? Вот с этим багажом?

Василий сморщился и беспомощно обмяк. Его костлявые плечи ходили ходуном.

– Что же вы так-то... – сказал он с горькой обидой, вытирая кепкой неудержанные слезы, – не уж-то все так-то на самом деле? Вы меня так расписали... так припечатали... прямо, хуже меня и на земле не найти... я у вас выхожу самый плохой... хуже Васьки паскудник...

– А ты не ищи хуже, – жестко сказал священник. – Зачем тебе хуже искать? Ищи тех, кто лучше, а плохих примеров и так пруд пруди. Васька – он кот. И живет, как коту положено. Неподсуден он. Ты же – человек. С тебя другой спрос... А на меня нечего пенять... Я, братец, как зеркало, что вижу, то и показываю. А на зеркало, как известно, нечего пенять. Что скажешь?

– Каюсь, – со стоном выдохнул Василий, – каюсь я... ох...

– Прости, Господи, – с чувством сказал отец Сергей и накрыл лысоватую голову прихожанина епитрахилью, негромко читая над ней разрешительную молитву.

Василий достал их штанов платок и шумно высморкался. Затем приложился ко кресту и Евангелию.

– Ох, ох, и пробрали же вы меня, батюшка, – сказал он отцу Сергию, горестно качая головой, – до самых печенок достали... такая баня вышла... Как жить-то мне теперь? Ведь куда ни глянь, все у меня не так, все криво. И с детьми, и с родителями, и с Ниной моей несчастной... теперь только пойти, да, как Иуда, удавиться... куда ни кинь, всюду клин...

– Ты мне эти разговоры брось, – строго сказал отец Сергей, – еще чего не хватало, удавиться он надумал после исповеди. И разве забыл поговорку: клин клином вышибают? Так что наоборот, надо жить, жить и исправлять то, что натворил прежде по неразумию своему. А вот, когда понесут на погост вперед ногами, тогда ничего уж не исправишь. Ну, ступай, братец, и впредь не грешь, а то ведь мы с тобой уж не мальчики, жить-то осталось меньше, чем прожили. Да приготовься к Причастию, благословляю тебя. А как готовиться, про то у жены расспросишь, она знает. Ну, Вася, ступай с Богом.

Василий поднял на священника красные от слез глаза.

– Ас котом-то как? – спросил он.

– С котом? Чего с котом... А кота не трожь! Не мы с тобой ему эти бубенцы привешивали, не нам и снимать. Так можешь жене и передать.

– Угу, передам, – кивнул Василий, печально поникнув спиной, повернулся и побрел к выходу.

От рясы рукава

Отец Роман пожадничал. В тот момент, когда нужно было сказать три слова: «спасибо, не надо», он ограничился лишь одним – «спасибо». Ну, не смог он отказаться... не нашел в себе сил...

Полгода прошло, а он все еще порой испытывал неловкость, выходя из своего новенького мерседеса. И хотя говорят, что дареному коню в зубы не смотрят, в его случае было как раз наоборот, люди-таки смотрели, еще как смотрели его «коню» в зубы, а точнее на радиаторную решетку, где красовалась серебристая эмблема из трех лучей, замкнутых в кружок. И еще отцу Роману временами казалось, что между ним и паствой возникло не то чтобы отчуждение, нет, это было бы слишком сильно сказано, а так, некоторый холодок и настороженность что ли, хотя он всегда знал и чувствовал, что прихожане его любили.

И настоятель, отец Сергей, тоже как-то не больно-то обрадовался, увидав во дворе это вороное заграничное чудо автопрома. Внятно он по этому поводу никак не высказался, но по тому, как он поджимал губы, как хмурил брови и отводил глаза, отец Роман понял, что его не одобряют. Это было неприятно и непонятно. А ведь что, собственно, в его поступке такого особенного? Какой криминал? Да никакого. Можно подумать, что остальные батюшки с подворья на телегах ездят. И покруче его машины под стенами храма стоят, особенно, когда архиерей приезжает. Не он первый и не он последний.

Конечно, он из клира самый молодой, даже детей еще они с матушкой не народили, и не резон ему так превозноситься. Но ведь с другой стороны, не сам же он себе этот мерседес подарил. Что тут поделаешь, это – Москва, столица всей огромной матушки-России, и сама огромная, как целое государство. А уж богатая! Не описать пером. А там, где богатство, там и грех множится и возрастает как на дрожжах. Нет-нет, да и найдется богатей, которого совесть так доймают, что он в церковь прибежит, грехи отмаливать. Для такого священник – это нужный человек. Знакомство с ним, как своеобразный «блат». И хоть объясняй такому, хоть не объясняй, что Бог взятки не берет и подкупить Его невозможно, а богатый упрямец все равно будет стараться перед Создателем через священника выслужиться, заваливая его материальными благами «во искупление грехов». Ну, и как тут, спрашивается, батюшке убеждать от шальных денег и дорогих подарков?

Священник в Москве априори не может остаться бедным. Ну, только если уж очень постараться. А если все хорошо, то обязательно найдется какое-нибудь успешное в мирских делах, да к тому же щедрое «духовное чадо» и сделает дорогой подарок в меру своей щедрости и финансовых возможностей. Почему «духовное чадо» в кавычках? Да потому что, какой из отца Романа духовник в его молодых годах? Самому еще духовник нужен. А людям, сколько ни разъясняй разницу между исповедником и духовником, все одно, как об стену горохом. «Вы, – говорят, – батюшка, мой духовник. И знать я ничего не хочу, ни во что вникать не желаю». Вот и все тут. Он поначалу исправлял, а потом перестал, умаялся. Пусть называют, как хотят. На каждый роток не накинешь платок.

Маленький Ромка становится священником вовсе и не собиравшись, ибо не понаслышке знал, что это за хлеб. Как-никак сам сын деревенского батюшки. А точнее, в раннем детстве он мечтал быть «как папа». Потом раздумал, и даже слышать не хотел о поповской стезе. И, наконец, уже после армии, видя, как огорчает своими разговорами отца, уступил. Так что священником он все-таки стал, но не сразу. Вначале поступил в институт на инженера, отслужил армию, женился, а затем уж поехал пытаться счастья в семинарию.

Предки отца Романа с отцовской стороны были не сосчитать, в каком колене москвичами, а с материнской – питерцами. А он, дитя выходцев из двух столиц, родился в селе под Белгородом, где и дороги-то последний раз мостили еще при царе Горохе. Родился послед-

ним, пятым ребенком в семье. Остальные четверо были девочками. Жили они небогато, подчас даже тяжело, но весело и дружно. Сестры не спускали маленького Ромашку с рук, игрались с ним, как с куклой, баловали и целовали без меры.

И, надо сказать, эту любовь друг к другу они, все пятеро, сохранили и по сей день, постоянно перезваниваются, переписываются, помогают друг другу словом и делом, и, конечно, стараются два раза в год обязательно приехать к родителям. Чаше всего, в начале июня, на день Ангела матери, матушки Елены. Да еще в декабре, на Николу зимнего, день Ангела отца, протоирея Николая. Летом обычно оставляли у стариков внуков, число которых все увеличивалось благодаря сестрам. Отца Романа пока Бог наследниками не наградил.

Раньше, когда они с сестрами были детьми, родители ради пропитания своего семейства брались за всякую работу, не чураясь любого труда.

Мать регентствовала в церковном хоре, состоявшем из пяти старушек с дребезжащими от старости голосами, обстирывала и кормила их шумное семейство. А еще шила, вязала, выпекала на заказ свадебные торты. И, время от времени, вспоминая о своем журналистском образовании, полученном в Ленинградском Университете, писала статьи на разные женские темы в церковные издания.

Отец настоятельствова в храме, каким-то чудом не разрушенном ни большевиками, ни войной. Может, потому что народ здесь был все больше верующий, Бога помнивший, хотя и такой же пьющий и безалаберный как везде. Потихоньку сам что-то подмазывал, подкрашивал, подклеивал, строгал. А на более сложные и трудоемкие работы привлекал помощников из рукастых прихожан.

Приход у него был немаленький – несколько крупных сел. Ездил он по местным ухабистым дорогам на требы, трясясь на своем потрепанном газике, подаренном ему председателем после развала колхоза. Часто возвращался домой очень поздно, бывало, что и за полночь. То соборовать кого-то нужно, то причастить тяжело болящего, то дом освятить, то скотину перед выгоном на летние пастбища окропить святой водой.

Ну, требы-то требами, это понятно, это само собой, но ведь потом так просто и не уедешь. Все хотят, пользуясь случаем, поговорить, пообщаться с терпеливым батюшкой. Люди соскучились по слову доброму, по совету, сочувствию, пониманию. Вот и накрывают столы, и сидит он с ними, ест и беседует, пока, наконец, не отпустят его с миром. А то иногда и ночью его поднимали, исповедовать умирающего. И он ехал, в любую погоду, при любых обстоятельствах. Собирался и ехал, даже если и сам был болен. На такие мелочи отец не обращал внимания. Позвал человек – значит, Бог позвал. Он был послушен, как военный, поднимаемый по тревоге. Даже свой саквояж, куда складывал все необходимое, на военный манер называл «тревожным чемоданчиком».

Когда в соседнем селе крестьяне отстроили свой храм, отец первый год, пока прислали нового священника, служил и там, по очереди, через воскресенье. Как приехал молодой батюшка, забот отцу, конечно, стало меньше, но и дохода тоже поубавилось. Однако Ромка никогда не видел его грустным или унывающим. Скорее наоборот: он всегда шутил, смеялся, улыбался, подтрунивал.

Отец косил сено для коз и овец, обихаживал сад и теплицу, копал огород, помогал односельчанам, если звали, по хозяйству и по строительству, налаживал электрику, чинил технику, прививал деревья. На все руки, как говорится, был мастер. Работал, как вол, без передышки, и сам же смеялся над своими трудами:

– Видишь, Ромка, как православный иерей жи-лы-то рвет? А все для чего? Да для пу-у-уза! Для своего, и для вашего. Вот ты смотри и так не делай, когда, Бог даст, станешь священником. Человеку много ведь не надо, а священнослужителю вообще не положено руками работать, о хлебе насущном стараться. Господь о нем Сам позаботится, не даст пропасть. Видал, какие у моей рясы рукава-то широченные, будто крылья у птицы? А все почему? Да

потому, чтобы невозможно было ничего делать. За что ни возьмись, рукава сразу мешать станут, напомнят батюшке о настоящем его предназначении. А на самом деле, оно у священника на земле какое, сынок, знаешь? А такое, как у Ангельских сил на Небе – Бога славить и людям эту славу проповедовать. Только вот я, аз многогрешный, по маловерию своему, нарушаю правила, снимаю свою рясу и мирскими трудами и заботами себя загружаю. Так что, сынок, ты будь лучше и умнее, чем я. Делай по-другому, делай как надо. Хорошо?

Отец Роман слово отцовское сберег и исполнил. Он до грязной работы никогда не унижался. Хотя и лодырем не был, и многое умел делать руками, но хлеб свой зарабатывал именно священническим служением, и гордился этим. Да и доходы его были не сравнить с отцовскими. А все потому, что он изначально нацелился на Москву, решил вернуться на свою, так сказать, историческую родину, к корням.

К тому времени бабушка уже умерла. Хрущевку, где она жила, снесли, выделив взамен однушку в Бутово. Родители на Бутово не согласились. Им предлагали другие варианты, но из Белгородской области-то каждый раз не наездишься на смотрины. Поэтому в итоге все закончилось комнатой в коммуналке, зато в центре. Ну, где же еще и обитать коренному москвичу, как не в коммуналке. Се ля ви, как говорится.

Вот оттуда отец Роман и начал свою новую московскую жизнь. Первое время им с женой было трудновато. Соседние три комнаты постоянно сдавались каким-то восточным смуглым людям. Жильцов было много и они все время менялись. При этом санузел и кухню никто за собой убирать не желал. Чистоплотная матушка Вера ежедневно мыла и скребла, вычищая чужую грязь. Вслух она не жаловалась, но тайком плакала, о чем отец Роман догадывался по припухшим глазам. Это его очень расстраивало, ибо жену он любил и по возможности берег.

Говорят, Москва слезам не верит. Что верно, то верно. Не единожды умыта наша златоглавая столица горькими слезами своих провинциальных покорителей. Но нужно ей отдать справедливость: Москва заставит плакать, Москва же слезы и утрет.

Стал ходить на исповедь один предприниматель, из очень влиятельных и успешных, искавший совета и утешения. Ведь и богатые тоже плачут, да еще как. Ходил больше года и довольно часто. Видно все ж таки, не смотря на свою молодость, отец Федор дельные советы давал. Потом с женой стал приходить, с детьми. Потом обвенчался с ней, квартиру освятил, машины, офисы свои. Изменился человек, на благотворительность денег стал отмерять щедрой рукой, добрее стал к людям, терпимее. Прощать и забывать научился. И самому ему от этого своего состояния души легче стало, радостнее. Вознамерился он и батюшку отблагодарить за такие свои превращения. Отец Роман говорил, конечно, что Бога за все благодарить надо, а не его, но и от подарка не отказался. Съездили они с женой за границу, отдохнул в роскошном отеле на берегу океана.

Дальше – больше. Просветленный предприниматель, как всякий неофит, одержимый желанием привести весь мир ко Христу, привел в церковь и своих друзей-приятелей, таких же мажоров и толстосумов. Некоторые походили, походили, да и перестали. Но зато те немногие, что остались, прикипели к храму, да к отцу Роману, звали его на все праздники и именины, засыпали подарками и деньгами, выставясь друг перед другом своей щедростью. И однажды, узнав про квартирные проблемы своего любимого батюшки, все скинулись и выкупили его коммуналку. Так что слезы матушки Веры через три года мытарств были окуплены сторицей. В одночасье она стала полноправной хозяйкой огромной квартиры в центре Москвы. Полномасштабный ремонт тоже взяли на свои могучие плечи «духовные чада». А мерседес завершил круг, став эдакой вишенкой на торте. И хотя отец Роман и чувствовал, что это уже перебор, что всему должен быть предел, он не нашел в себе сил сказать три слова: «спасибо, не надо», а ограничился лишь одним – «спасибо».

Он всегда любил красивые вещи. В общем-то, из-за этой тяги к хорошей жизни он и в священство идти долго не хотел. Как заноза сидела в сердце родительская бедность. И хотя они с сестрами не голодали, но жили в скудости: донашивали друг за другом одежду, перешивали, чинили. Покупка нового пальто или пары сапог была событием. Родители экономили на всем и считали каждую копейку. В селе их бедность была не так заметна, там мало кто от них особенно отличался, а вот в городе...

На каникулах, приезжая в гости к родителям матери в Петербург, маленький Ромка сразу замечал, насколько в городе люди лучше и дороже одеты, насколько лучше живут. Дедушка был профессором медицины, и они с бабушкой жили в прекрасной просторной квартире, с антикварной мебелью, со стенами, увешанными семейными фотографиями, картинами с дарственными надписями, с пушистыми коврами на полу, с шелковыми подушками на мягких диванах и хрустальными безделушками в высокой горке. Ромке ужасно нравилось у них гостить.

Там было так красиво, интересно и уютно, вкусно кормили, не отмеряя порции. Не нужно было помогать по хозяйству, и не нужно было бежать по нужде через весь огород к сортиру. А мыться можно хоть каждый день, а не раз в неделю в бане, как у них дома было принято. Открыл кран, и вот тебе, пожалуйста, горячая вода, залезай в ванну да мойся. Он смотрел на все эти удобства и не понимал, как это мать смогла добровольно от них отказаться, вот так взять и бросить все и уехать в провинцию, в Богом забытое село... Сам бы он так не смог ни за что... ни за какие коврижки...

В аккурат к новоселью, поспела и другая радостная новость: матушка Вера сообщила мужу, что беременна. Ликовали оба, счастливые донельзя. Встали на колени перед образами в спальне и благодарили Бога, Пресвятую Богородицу и всех святых за такую милость. А потом обзвонили всю родню, от Москвы до Сахалина, приглашая отпраздновать с ними новоселье.

Матушка Вера всю неделю хлопотала по дому, постоянно одергиваемая мужем, убеждавшим, что ей нужно себя беречь, и что и без того порядок везде безупречный. Отец Роман сам летал, как на крыльях, предвкушая встречу с родными. Особенно волновал его приезд родителей, впервые за время его служения, выбравшихся в Москву. Ему хотелось, чтобы им все понравилось, чтобы они увидели и оценили его труды. Возможно, отец даже не удержится от похвалы...

И вот, они приехали в пятницу. Все остальные должны были подтянуться в субботу к вечеру. Встретили их по первому разряду, с большим почетом, не знали куда усадить и чем накормить. Разве что сами вместо ковров под ноги не ложились.

Пока Верочка хлопотала у стола, делая последние приготовления, отец Роман с гордостью водил родителей по своему жилищу и рассказывал, что где было, да как стало, что снесли, а что оставили.

– Вот витражи тут сделали, дороговато, конечно, но зато красиво и по стилю очень подошло, как дизайнер нам сказала. А как вам паркет? Нравится? Четыре вида дерева. Лучший в Москве мастер делал! Обошелся в целое состояние, но зато красота какая! А люстры из Италии, на заказ. Потолки-то у нас высокие, тут не каждая подойдет. Двери тоже пришлось заказывать. Сколько смотрели по магазинам и в интернете, ничего не понравилось. Пол почему теплый, знаете? Ну, так с подогревом же. И в ванной, и на кухне. Это что? Нет, не второй унитаз, а биде. Очень удобная и необходимая штука. Музыка, слышите, играет? Это в душевой кабине радио, чтобы мыться было не скучно. Ну, кухня, само собой, тоже по специальному заказу. Фасад из вишни.

Плитка ручной работы. Две духовки. Хотели, правда, другой фирмы взять, но дизайн не устроил. Светильники пришлось отдельно подбирать, позолоченные, чтобы к ручкам под-

ходили. Вы заметили, что во всей квартире ручки везде одинаковые по форме? А-а, это тоже заказ, ручная шлифовка и позолота...

Родители ходили за сыном следом, смотрели, куда он указывал. Мать восхищенно охала и ахала, отец только кивал. За столом по случаю постного дня скоромного ничего не было. Но зато была рыбка хорошая: севрюжка, красиво уложенная веером, розанчики из малосольной розовой семужки, тарталетки с красной и черной икрой, уха из осетрины. А в остальном все по-просто-му: отварная картошечка с укропом, греческий салат, грибочки разные, соте из баклажан, нежная стручковая фасоль с чесночком. В общем, расстаралась матушка Вера, как могла. Благословили трапезу, да и сели ужинать. За разговорами и не заметили, как время пролетело, спать пора. Показали родителям их комнату, дали большие пушистые полотенца, объяснили, как пользоваться душевой кабинкой, где что стоит, да и сами тоже, помолвившись, отправились на боковую.

От возбуждения матушка Вера все ворочалась и никак не могла уснуть. Отец Роман и сам не спал, хотя и лежал молча.

– Ромчик, ты спишь? – не выдержала матушка и тихонько позвала мужа.

– Нет, не сплю.

– Ой, и мне что-то не спится, – вздохнула матушка. – Как думаешь, им понравилось? А?

– Ну, конечно, понравилось, Верочка, – отец Роман повернулся на бок и бережно обнял жену. – Не волнуйся, все ведь хорошо. И вообще, тебе нельзя волноваться, – напомнил, целуя ее в волосы.

– Ромочка, а мы им про маленького скажем?

– Скажем. Только не сразу же. Попозже. Ты спи, спи, моя хорошая, отдыхай. Завтра другие гости приедут, еще новые хлопоты предстоят. Я утром на службу уеду рано. Но ты не волнуйся, выспись, я сам родителей завтраком накормлю. Хотя отец есть не станет, а со мной в храм поедет. Маме же, сама знаешь, главное книгу дать поинтереснее. И она будет довольна. А ты отдыхай.

– Знаешь, а родители стали такие старенькие... маленькие какие-то... Я раньше и не замечала.

– Ничего они не маленькие, это у нас просто потолки высокие, – пошутил отец Роман, и сам заметивший, как сдали родители. – Спи уже.

– Ладно. Спокойной ночи.

– Спокойной...

Вскоре матушка Вера затихла, засопела носом, а отец Роман не мог заснуть. Через какое-то время понял, что хочет пить. Рыбные блюда всегда у него вызывали жажду. Жена спала у него на груди, и он не хотел вставать, боясь ее потревожить. Он прикрыл глаза, стараясь уснуть, но в глотке совсем пересохло, и заснуть не удавалось. Отец Роман осторожно сдвинул жену на подушку, бесшумно встал с постели и направился на кухню.

К его удивлению, там уже горел неяркий свет, и отец неподвижно сидел на стуле в углу.

– Не спится, сынок? – спросил он, поворачивая голову.

– Да вот пить захотелось, прям мочи нет.

– А-а, ну, так это после рыбы-то...

– Ага, после рыбы.

Отец Роман достал стакан, открыл отдельный краник, налил себе из фильтра воды, залпом выпил. Налил второй и присел рядом с отцом.

– А ты, пап, чего не спишь?

– Да не спится что-то... Совесть нечистая, видать, спать не дает, – сказал отец с усмешкой.

– Да ладно тебе, пап... скажешь тоже, совесть нечистая... У кого она тогда и чистая, если не у вас с мамой? Вы всю жизнь как праведники жили.

– Ну, уж какие там из нас праведники, особенно из меня. Грехов набрал за 72 года – будь здоров. Эх, Господи, прости... сердце смиренно и сокрушенно Господь не уничтожит...¹

– Пап, ты чем-то расстроен? Что случилось-то?

– Да ничего не случилось... Читаю вот Святых Отцов, когда есть возможность, и засело в памяти одно высказывание. Авва Исхирион сказал своему духовному чаду, священнику: «На ваше время гонений не будет, вы будете жить в мире благополучно. Однако вам будет тяжелей, чем нашему поколению, ибо Дух Божий отходит от мира». Мда-а... Дух Божий отходит... страшно-то как...

– И с чего ты вдруг об этом сейчас-то?

– Я все думал, – не отвечая на его вопрос, продолжал отец, – а как это можно будет почувствовать, как понять, что Он отходит? А сегодня вот нашел ответ на свой вопрос. Я понял, что это значит полное обмирщение даже там, где все как раз на благодатной жизни Духа и должно держаться...

Отец Роман настороженно молчал, ожидая, куда же приведут отца эти несвоевременные, на его взгляд, размышления.

– Бог его знает, прав я или нет, а только смотрю на тебя, на это все, – он медленно обвел взглядом окружающее пространство, – и думаю, может быть, зря я тебя священником быть уговаривал? А? Не твое это... А ты вот... ради меня...

– Почему это зря? Ничего не зря. И не ради тебя, сам знаешь, Господь всех ведет. Я себя уже никем другим, кроме священника и не представляю.

– Не представляешь? – отец критически внимательно посмотрел в лицо сыну. – А я... а я вот не представляю, какой из тебя священник, сынок... ты уж прости...

Отец Роман от обиды онемел. Отец словно шило ему в сердце вогнал, ни вздохнуть, ни охнуть.

– Ты помнишь, как я тебе про рукава рясы говорил? Говорил, что священник, иже ангелы на Небесах, на земле Бога славят. А когда тебе его славить-то? Ты же весь погружен в мирские дела, в свои мерседесы, люстры, ручки на заказ, кухни на заказ, паркет, биде, всякие штучки-дрючки... На что у тебя за всем этим время остается? На молитву? Что ты? Когда?

Отец Роман сглотнул колющий ком в горле и попрекнул:

– А у тебя в деревне много времени на молитву оставалось? Только и пахал с утра до ночи! Я даже не знаю, когда ты вообще спал, не то, что молился!

– Э-э, нет, дорогой мой, ты не сравнивай. Я молился всегда. Выйду с косой, бывало, и на каждый взмах «Господи, помилуй», да всю родню, близких и дальних, всех прихожан, всех селян по памяти поминаю. Огород копаю и тоже самое, снова молюсь. В саду ли работаю, в лесу, или в машине еду, я всегда молился и молюсь.

– А я что, по-твоему, в машине не могу молиться что ли? Один ты умеешь?

– Ты можешь... можешь, конечно, кто же спорит... только до первого телефонного звонка... У тебя вон телефон какой... Жигули, наверное, можно купить за такие деньги...

– Ты не понимаешь разве? Это же все подарки! Я сам это не покупал! Мне этого не надо!

– Ага, от оно и видно, что не надо... Подарки... И что, что подарки? Если ты сам скромный и тебе ничего не надо, зачем на мерседесе едешь? Это послушание у тебя такое? И ты его смиренно несешь, что ли?

– Да что тебе дался этот мерседес? Священнику что на нормальной машине нельзя ездить? Что ты мне самосуд устроил?

¹ Псалтырь, Псал. 50:19. Пятидесятый псалом называют покаянным, потому что он выражает глубокое сокрушение сердца и молитву о помиловании.

– На нормальной машине – можно. Даже нужно. Чего же, как я по жаре да по пыли на шарабане таскаться. Пусть у тебя будет хорошая машина. Разве же кто против? Уж точно не я. Но мерседес не НОРМАЛЬНАЯ машина! Не ХОРОШАЯ машина! Это машина класса люкс! Она для других! Не для моего сына! Она для тех, кто Рай здесь, на земле себе строит, а не на Небе! – отец, охваченный чувствами, перешел почти на крик. – Ты понимаешь, сынок? Не ты этими вещами владеешь, а они тобой! Ты же не просто ремонт в квартире делал, а все себе особенное устанавливал, на заказ. Теперь, вдруг что поломается, ты головной боли не оберешься. Да и ухаживать за этим всем добром нужно по-особому, чтобы вид не потерялся. Ведь немалые деньги плачены, пусть и не твои. А будут у вас, Бог даст дети, да что-нибудь отломают, испортят, ручку какую-нибудь отвинтят, или паркет поцарапают. И что тогда? Это ведь не пойдешь в магазин, да не купишь взамен новое, нет. Снова нужно звонить, заказ делать, ждать, ехать за ним... Ты понимаешь, что ты стоишь в одном шаге от трясины, откуда сам ты не выберешься? Ты – раб и слуга Милосердного Бога, который человека всегда оставляет свободным, а постепенно становишься рабом вещей и удобств... Потонешь ты, Ромка, потонешь... в этом барахле и потонешь...

Отец Роман, понутив голову, молчал, хотя ему хотелось кричать в ответ. Отец говорил жестко и едко, точно бритвой полосовал. Слова его причиняла почти физическую боль, и в ответ в душе вскипали возмущение и обида.

– А я не хочу быть нищим! – возвысил голос отец Роман. – И не хочу, чтобы мои дети такими были! Тебя послушать, так если ты в Церкви, значит, должен быть бедным! Кому это надо вообще?

– Тебе! Тебе надо! И твоим детям... И Церковь не за бедность. Церковь – она за святость!

– Я что же против святости? А ветхозаветных праведников ты забыл? Ной, Авраам, Моисей, Иосиф... царь Давид, наконец! Что ты на это скажешь?

– Скажу, что они могли, а мы не можем... немощные мы. Куда нам к нашим грехам еще и богатство. Придавит...

Отец Роман не нашелся, что ответить и повисла недобрая долгая пауза. Оба они были разгорячены спором, каждый имел свою правоту и аргументы, но ссориться между собой они не имели привычки. Поэтому каждый сидел и угрюмо молчал.

Отец Роман вместо признания услышал проповедь о своей недостойности и был расстроен и даже зол. Ждал и дождался...

Отец Николай, надеявшийся увидеть сына, превзошедшим отца в духовном развитии, увидел его озабоченным лишь материальным благополучием, и был разочарован и опечален.

– Дай-ка мне, Рома, попить, пожалуйста, – попросил отец, примирительно взглянув на сына. – Что-то горло совсем пересохло.

Отец Роман молча встал и налил ему воды.

– Ты, Ромашка, не обижайся. Не виню я тебя. Все в этом мире закономерно. Я хотел, по гордыне своей, по тщеславию, чтобы ты превзошел меня в духовных плодах. А с чего бы это вдруг?... Смиряет меня Господь, показывает, какие семена я посеял, те и взошли, какие в себе вырастил, те и детям передал... ни больше и ни меньше...

Отец Роман хмуро промолчал в ответ.

– Вот ты не спрашивал себя никогда, отчего это мы с матерью в село забрались? Да еще так далеко от Москвы. Не задавал сам себе этот вопрос, нет?

– Вообще-то задавал... – с неохотой ответил отец Роман, – давно, еще в детстве, когда к дедушке в Питер на каникулы ездил...

– Ну, вот и молодец, что задавал. И что же ты на него себе ответил?

– Ничего, – пожал плечами отец Роман, – просто удивлялся...

– Удивлялся, говоришь... А удивляться нечему. У лукавого врага не так много путей, по которым он нас тянет к гибели. Я шел как раз по этой самой дороге, что ты сейчас идешь, – сказал отец, делая рукой широкий жест по сторонам. – Мне тоже нравилось красиво и богато жить. И маме твоей нравилось, чего греха таить. Ну, так еще бы, профессорская дочка, с детства привыкла к хорошей жизни... Тогда таких богачей, как теперь, и близко не было, так что искушения мои были не в пример слабее, чем твои. Но я все равно не устоял... Работающих храмов, где служилась Литургия, были единицы. Среди прихожан одни старики. Молодежь туда и не совалась. Знали, что неприятностей потом не оберешься. Затаскают по инстанциям. За веру в Бога могли и уволить, и с учебы исключить, могли посадить, или в психушку отправить... такое вот было время, сынок... Помню я свою первую Пасху, сразу после демобилизации. Я тогда уже решил, что в Политех не вернусь, на семинарию нацелился. Пришел на свою первую в жизни ночную службу. Еще в форме. Прежняя одежда мала была мне, а новой не успел обзавестись. Шел пешком, смотрел на дома, на людей, машины, троллейбусы – и сердце пело! Подошел к храму, а там кордоны милицейские стоят, не пропускают. Ко мне военный патруль подлетел. Документы проверили, а я уже гражданский, не подвластен им. Офицер стал ругаться, стыдить, мол, ты же комсомолец, своих товарищей и весь комсомол позоришь. Форму советского солдата позоришь. А я ему: не комсомолец я, мол, и вообще, в семинарию поступать буду. И улыбаюсь, ничего не могу с собой поделать. Пасха Христова! Радость внутри такая, что не передать. Все тело от нее гудит. Офицер споткнулся на полуслове и на меня так странно посмотрел. А потом рукой знак сделал своим, пропустить велел.

Ну а дальше ты знаешь: работал, учился, женился, служил... а уехал из Москвы после одного случая. Поскольку мама твоя, как журналистка, водила дружбу и знакомство со многими известными людьми – поэтами, писателями, актерами, художниками, сценаристами, – то, благодаря ей, ко мне ходила на исповедь немалая часть московской богемы. И дома у нас они бывали. Побеседовать приходили. Творческой интеллигенции многое прощалось. Делалась поблажка с учетом их неординарности. Среди них были люди разные. Для одних это была мода, для других – дань традиции, для третьих стадное чувство. Четвертые испытывали потребность выговориться. Пятые общались со священником в знак протеста против советского строя. Были и те, кто действительно хотел обрести веру. И я тебе скажу, были и такие, кто обрел... но вот сам я... тоже изменился... во мне проросли ростки тщеславия. Я стал обращать внимание на одежду, украшения, красивые вещи. Началось все вроде бы с малого и душеполезного – с книг. Хорошие книги не достать было. Зная мою к ним слабость, мне стали дарить подписки на классиков, редкие издания – Третьяковка, Эрмитаж, Русский Музей. А там изумительные фото древних икон. Благое же дело? Безусловно, благое! Дальше – больше. Билеты в консерваторию, пластинки с записями «Литургии» Чайковского, «Всенощной» Рахманинова, с хорами Свиридова или Чеснокова. Потом как-то незаметно с книг и пластинок перешли на подарочки жене, деткам. Анечку, а затем и Машу мы одевали как с картинки. На столе появилась вкусная еда, деликатесы. Вроде бы и не нарушали постных дней, осетринка же рыба... Мне удавалось все покупать по себестоимости и без унижительных очередей. Потому что уже были связи, знакомства. Тогда это называлось блат. Жалованье у меня было совсем крошечное. На него не разбежишься. Но твой дедушка, известный доктор, хотел, чтобы его дочь ни в чем не нуждалась, и ежемесячно выделял нам довольно крупные суммы. А мы и не отказывались. Не жизнь была – одна сплошная радость. И вот однажды, принимая исповедь, я поймал себя на том, что не слышу, о чем мне говорит плачущая женщина. Я в это время рассматриваю кольцо у нее на пальце и прикидываю, сколько бы оно могло стоить, и где достать такое же для жены... Мда-а... Когда я понял, о чем думаю, меня холодный пот прошиб от ужаса... в кого же я превратился, Господи?... Выстрадал свою веру, свое право быть священником в стране, где за это сажали в тюрьму.

И потом променял на сытую сладкую жизнь!.. Ведь нельзя проповедовать распятого Христа и беспокоиться, где купить югославский гарнитур или кольцо с бриллиантом... Он сказал – следуй за Мной. А это значит, на Крест... А не в мебельный магазин...

Он вообще мало говорил о материальном, о внешнем... Мертвых воскрешал, больных исцелял, голодных кормил. Но ведь если вспомнить, чем кормил-то? Хлебом и рыбой. Никаких деликатесов. Обычная простая еда, только, чтобы утолить голод... Не севрюга и осетрина, не семга и икра. А обычная рыбешка из местного моря. Та, что рыбаки и их семьи ели практически каждый день.

Отец вздохнул и замолчал. Молчал и его сын, бросая исподлобья короткие удивленные и внимательные взгляды на родителя.

– Знаешь, как я впервые задумался о Боге? Я, обычный советский мальчик, некрещенный, в жизни не выдавший вблизи икону. Как-то мы гуляли с отцом. Зима, морозец, снежок под валенками скрипит. Сходили на Красную площадь, поглазели на Кремлевские звезды, послушали бой курантов. Шли обратно по Ордынке. На пути Скорбященская церковь. А в бывшей церковной лавке – дровяной склад. Люди с саночками толпятся во дворе. Рабочие шустрят, подвозят дрова. Все гомонят, суетятся. Мальчишки постарше меня играют в снежки, пока родители в очереди стоят. Я поднимаю глаза выше их голов, смотрю на церковные стены, а там летящая ввысь красота. Я не знал подходящих слов, чтобы описать то, что видел. Но это было очень красиво. И я спросил у отца:

– Папа, а почему в Москве столько церквей?

Он пожал в ответ плечами.

– А что там внутри?

– Ничего, – ответил он.

– А для чего они тогда такие большие и красивые?

– Не знаю, Коля... я никогда об этом не думал, – растерялся отец. – Я знаю, что их строили очень надежно... Мне было 20, когда взрывали Храм Христа Спасителя. Так взрывчатку закладывали дважды. С первого раза храм устоял...

Мой папа был инженером, и для него было определяющим качество постройки. Ее основательность и размер говорили о важности сооружения. Похоже, что тогда, возбужденный моими вопросами, он впервые задумался над тем, зачем и для Кого нашим предкам было строить такие мощные и прекрасные храмы, если все это просто так.

– А что значит – Христа Спасителя? – спросил я его.

– Кажется, так звали нашего Бога, – неуверенно сказал он.

– Почему звали? Он умер?

– Да...

– Разве Бог может умереть?

– Наверное, может...

– А в школе нам говорят, что никакого Бога нет и не было!

– И правильно говорят, сынок, учителям виднее. Ты их слушай.

Не знаю, что он на самом деле думал в тот момент. Скорее всего, он так говорил, чтобы уберечь меня. Инакомыслие было смертельно опасно.

Мы пошли по улице, но я все время оглядывался на церковь. А впереди попалась еще одна, потом еще. Я думал про себя: «Вот люди верили в этого странного Бога, строили Ему такие прекрасные дома. Потом пришли другие люди и стали их взрывать или превращать в склады. В деревне у бабушки в бывшей церкви трактора ремонтируют. И Бог это все терпит. Значит, или Его нету, или Он не такой уж и Всемогущий». Это был декабрь 1947 года. В следующий раз, когда я снова оказался близ той церкви, была весна 1948 года. Дровяного склада там больше не было. Внутри храма слышно было пение. Я подбежал к распахнутой двери

и увидел десятки горящих свечей! Мне их огоньки показались целым огненным морем. А еще там было много людей.

– Давай зайдем, – попросил я отца и потянул его за руку.

– А давай, – сказал он не раздумывая. – Пасха же.

Я не стал спрашивать, что означает это слово. Мне не терпелось скорее туда, где происходило что-то таинственное. Мы вошли, и внутри храм мне понравился еще больше, чем снаружи. Пока я разглядывал пляшущие огоньки свечей и лампадок, все запели какую-то молитву. Потом запел хор, и я заслушался. Ничего подобного я никогда не видел и не слышал. Священники и дьяконы выходили и заходили в Алтарь. Я не знал еще этого слова, но я понимал, что там, куда они уходят, находится что-то важное, тайное. И они оберегают эту тайну от чужих глаз. Я стоял замороженный, оглушенный и почему-то... радостный. И очнулся от возгласа «Христос Воскресе!» «Воистину Воскресе!» – неожиданно для меня воскликнули все, кто стоял в храме. Вначале я испугался, но оглянулся на отца. А он улыбался и тоже кричал: «Воистину Воскресе!» Тогда я и подумал, что Бог, наверное, все-таки существует. Просто Он, хоть и Всемогущий, но очень добрый и терпеливый, не наказывает за то, что у Него отняли дом, а спокойно ждет, когда люди одумаются и вернут то, что взяли без спроса. Прямо как моя мама со мной поступает...

И вот представь, какой путь я прошел от того мальчика до священника. Это все равно, что перепрыгнуть пропасть. Стремился ко Христу... А в результате – вождедею кольцо... Видно Господь дал мне дойти до этой точки, увидеть всю глубину своего падения и утешиться... Я утешился до такой степени, что решил бежать из столицы. Слава Богу, что твоя мама меня поняла и поддержала. На следующий день я упал в ноги благочинному и просил о переводе. Это как раз было проще простого. Все рвались в Москву, а не из нее... как бабочки летят на огонь... Так что очень скоро мы обосновались в селе, где потом ты и родился... Я скажу тебе так: если и сожалел я когда-нибудь о чем в прошлом, то только о том, что соблазнил людей, видевших мое столичное житье. Глядя на меня, думали они себе в оправдание: «Ну, раз даже он, священник, так погряз в мирском, так озабочен земными благами, а не Небесными, то уж нам-то тем более не грех». Моя дорогая жена меня ни разу не попрекнула. Хотя нам и пришлось много трудиться, и жить в скудости, говорила, что всем довольна и счастлива. А я привык ей верить... Такая вот история...

Снова в кухне повисла тишина. Но теперь она была другая, мирная. Отец Роман уставил задумчивый взгляд на стакан, бесцельно вращая его пальцами вокруг своей оси. За окном рассветало. Слышнее стал шум машин и птичий гомон, совершенно неожиданный для центра Москвы. Вот также радостно они гомонили по утрам и у них в деревне.

И, глядя на круглое зеркальце воды, колеблющееся в стакане, он подумал, что птицы ежедневно тоже по-своему молятся, с ликованием встречая рассвет, и благодарят Создателя за наступление нового дня. Скоро им нужно будет лететь на поиски корма для птенцов, без усталости махать крыльями, ловя на лету мошек, прыгать по веткам, выискивая в листве червячков. Но и когда на город спустится ночь, уставшие от дневных трудов, устраиваясь на ночлег, они, презирая усталость, совершат свое вечернее молитвенное правило – снова вознесут к Небу простую и бескорыстную песню.

Стул и столяр

Погожим летним утром, выйдя из подъезда, Майя увидела соседку с первого этажа Геру Анатольевну. Ей было уже за семьдесят, но на вид больше пятидесяти с хвостиком и не дашь. Каждое утро Гера Анатольевна в любую погоду, и зимой и летом, босиком стоя на земле, без разницы, что её в это время года покрывало – снег или трава, по системе Порфирия Иванова делала специальную гимнастику, обнимала березу, росшую у неё под окном, и обливалась из ведра ледяной водой, распугивая местных ворон.

Силы воли старушке было не занимать, хотя, правду сказать, язык не поворачивался назвать её старушкой. Она вышагивала на своих кривоватых жилистых ногах так бодро, что давала фору молодым. Родители называли её Герой в честь греческой богини, жены Зевса. О чем она не преминула упомянуть сразу же при знакомстве.

Майя на мгновение заколебалась: здороваться или нет, не отвлечёт ли она соседку от её утренних манипуляций? Но Гера Анатольевна сама её уже увидела и первая поздоровалась:

– А-а! Доброе утро, Майечка! Вы тоже вышли сказать солнцу «здравствуй»?

– Доброе утро, Гера Анатольевна. Я на работу.

– Ах, как это печально, что мы живем в такой кабале... Вынуждены работать за кусок хлеба. Ах, Вселенная, как несправедливо, что лучшие годы уходят безвозвратно. Для меня, впрочем, это все в прошлом. Хотя тридцать лет я просидела в одной душной конторе... Кстати, как поживает ваша бессонница? – осведомилась она, не отрываясь от дерева.

Из одежды на ней был только старомодный ситцевый купальник. В середине июля это уже не так шокировало, как, скажем, в декабре.

– Отлично поживает, – в тон ей ответила Майя.

– Хм... Голубушка, что же вы так себя запускаете? Надо следить за своим здоровьем. Вы же ещё совсем молодая. Это непростительно! – возмутилась Гера Анатольевна, отпуская березу.

– Пока ничего не могу поделать. Будем надеяться, это излечимо, – сказала Майя, торопясь поскорее закончить разговор. Время на дорогу было рассчитано без запаса на неожиданные беседы.

Старушка была помешана на здоровом образе жизни. Принимала постоянно какие-то биодобавки и витамины и всем их тоже рекомендовала. Она сама же и служила лучшей рекламой для них. Поэтому разговор мог затянуться. Майя вежливо улыбнулась и хотела уйти, но Гера Анатольевна, кажется, в этот раз решила взяться за её здоровье всерьёз. Она окончательно бросила дерево и подошла к Майе. Она была того редкого роста, что даже Майя казалась на пару сантиметров выше.

– Зайдите ко мне сегодня вечером, – сказала Гера Анатольевна проникновенно и настойчиво, – мне достали телефон центра одного известного экстрасенса, и я вам его дам.

«Начинается», – с тоской подумала Майя, переминаясь с ноги на ногу.

– Да не надо, Гера Анатольевна, спасибо, – мягко отказалась она, снова делая попытку уйти.

Она понимала, что старушка хочет ей добра, пытается помочь, как умеет. И поэтому было как-то неловко с ней спорить. Она ещё надеялась, что беседа на этом и оборвётся, но ошиблась. Гера Анатольевна была настроена решительно:

– Как это не надо? – возмутилась она. – Вы же страдаете! Не спите несколько лет подряд. Ужас! Вы подумайте, чем это может кончиться? Без сна здоровья нет и быть не может. Вы сокращаете свою жизнь и неминуемо приближаетесь к разрушительным болезням!

– Я не хожу в такие центры, – уклончиво ответила Майя. – Это не мое.

– В какие это такие? – не поняла Гера Анатольевна. – Почему это не ваше? Что за глупости?

– Я в церковь хожу.

– Ну и что? Тем более! И продолжайте себе туда ходить, кто вам мешает? Это даже приветствуется. Она, эта экстрасенс, можно сказать, ученица самой великой Ванги!

– Нет, спасибо... мне не надо... не пойду.

– Ну что за ерунду вы говорите? – теряя терпение, рассердилась Гера Анатольевна. – Не надо, не пойду... Глупости это все. И вообще, причем здесь церковь? Ванга же святая! Как эта ваша Матронушка! Они ведь даже обе слепые!

– Нет, Гера Анатольевна, это совсем не одно и то же. К несчастью, на свете много слепых людей. Но не все они становятся святыми. Матронушка Богу молилась, чтобы Он людей исцелял. А у Ванги всё было по-другому. Поэтому церковь не признаёт таких, как она.

– Да как вы можете подобное говорить?! – повысила голос обычно спокойная Гера Анатольевна. – Неужели вы всерьёз можете воспринимать этих догматиков? Слушаете боро-
датых попов, у которых, что ни спроси, все под запретом! Вы же продвинутая, современная, образованная женщина, а ведёте себя как дремучая старуха! Как можно верить во всю эту глупость? Я не понимаю... Вы бы хоть о дочери подумали! О её будущем!

Гера Анатольевна метала громы и молнии, как истинная жена Зевса, но её выпцветший купальник делал ситуацию несколько комичной. Майя сомневалась, стоит ли продолжать этот разговор, но отступление было бы трусостью, предательством и лицемерием. Незачем вообще тогда в церковь ходить, если не можешь отстаивать свою веру. И она приняла решение не отступать.

– Гера Анатольевна, я как раз о дочери и думаю, – как можно спокойнее сказала она, – и я не считаю веру в Бога проявлением дремучести. Все эти «маги», «целители», «экстрасенсы» – это же мост в оккультный мир. Мир, где властвуют бесы. Да, я хожу в церковь и не хочу этого стыдиться. Ведь вы же не стыдитесь... заниматься идолопоклонством?

– Я? Идолопоклонством?! – вскричала Гера Анатольевна, аж подпрыгнув на месте от возмущения и обиды.

– А как вы это называете? Вы что, друид, чтобы каждый день с деревом обниматься?

Гера Анатольевна обиделась окончательно, но постаралась быстро справиться с обидой, так как знала, что это вредно для здоровья и для кармы, а она за этим строго следила.

– Вы, Майя, действительно, со своей религией, как зашоренная лошадь, – сухо сказала она. – Я поклоняюсь природе! Нашей матери-природе! Или это плохо, по-вашему? Ваша церковь это тоже не приветствует? Хотя... я даже и не удивлюсь!

– Нет, не приветствует. – Майя боялась, что старушка замёрзнет, стоя босиком на мокрой и прохладной еще с утра земле, и не хотела затягивать разговор. Но отступить было уже некуда. – Вы, Гера Анатольевна, поклоняетесь природе, а я поклоняюсь Тому, кто создал природу и весь этот мир. Ведь если столяр сделает вам стул, и вам удобно и хорошо на нём сидеть, то вы на радостях не станете благодарить стул, а возблагодарите мастера, который его сделал. Разве нет? Разве это не логично? А вы, простите, на мой взгляд, поклоняетесь именно стулу, полностью забыв про мастера.

Гера Анатольевна критически поджала губы, снова мысленно сжигая обиду, чтобы не засорять ауру.

– Ну, хорошо, – сказала она примирительно, – если вы в это все настолько серьезно верите, то – ладно. Я могу вас даже познакомить с одной женщиной. Она лечит молитвами. Думаю, это то, что вам нужно. Я вам ее настоятельно рекомендую. У неё на «Отче наш» такие откровения бывают, что голова кругом... ну, просто, потрясающе! Зарядит вас водичку, и забудете про свою бессонницу через два дня. Она и квартиру освятит вам. И еще кое-что может, – многозначительно сказала Гера Анатольевна, делая большие глаза. – Да, да... Ведь

для меня не секрет, что вы уже не первый год одиноки. А это, знаете ли, тоже ох как на наше женское здоровье влияет. Сделает вам приворот на какого-нибудь приятного и обеспеченного мужчину. Глядишь, и бессонницу вашу как рукой снимет. Ну, в любом случае, для здоровья это просто необходимо, поверьте мне. Наладить регулярную половую жизнь – дорогого стоит. Вы мне потом еще не раз спасибо скажете.

– Хорошо, Гера Анатольевна, я подумаю, – кивнула Майя, отводя взгляд. – Простите, я должна идти, а то на работу опоздаю. До свидания.

Она стремительно пошла от подъезда, понимая, что не смогла, не сумела донести свою точку зрения, объяснить свою веру этой жизнерадостной и уверенной в своей правоте старушке, проиграла ей. Впрочем, как и всегда.

У Геры Анатольевны были весомые аргументы в её пользу, и в пользу таких же, как она, фанатичных приверженцев здорового образа жизни, а у Майи были только наивные ожидания каких-то призрачных, мифических райских куш. Не сейчас, а уже потом, когда здесь всё закончится. Они не понимали друг друга. Они просто говорили на разных языках.

Одна строила рай на земле, а другая на Небе. И обе имели свой резон.

Гера Анатольевна еще немного потопталась у березы, то поднимая, то опуская руки, но чувствуя своим внутренним камертоном, что правильный настрой уже не восстановить. Вздохнув, она подхватила пустое ведро и, переваливаясь как утка с ноги на ногу, направилась к подъезду, возмущаясь про себя неблагодарности и глупости, неизменно присущей молодости, не ценящей здоровье и красоту.

Бедность

Работа была хорошая, да что там, просто отличная. Таисья сама себе завидовала: во-первых, близко, только через двор перейти. Во-вторых, удобно, в тепле, в добре, никто не обижает, сама себе хозяйка. А в-третьих, еще и пенсия в сохранности, поскольку нигде официально по документам она не проходит.

Таисья работала консьержкой. Их было трое; еще крепкие старушки, бодрые, глазастые, настороженноподозрительные и все подмечающие. Короче, как раз то, что для этой должности нужно.

А работу эту ну сам Бог послал. За деньгами Таисья никогда не гналась, этого и в мыслях не было, ни-ни, тем более теперь-то, в старости. Два сына жили отдельно, сами уже за сорок, оба семейные, давно на своих хлебах, а ей одной много ли надо?

Здоровье пока особо не подводило, так что на лекарства не разорялась, так, по мелочи разве что; ну и молодые болеют, как без этого. Питалась она скромно; уже и аппетита не было, так, захочется иногда съесть чего-нибудь вкусенького, в охотку, душу отвести, а потом опять на гречке, овсянке да жиденьких супчиках прекрасно обходится.

Так что в пенсию она укладывалась.

...Она-то укладывалась, а коммунальные услуги – нет. Телефон, газ, свет, тепло – да всё, короче говоря, – дорожало и дорожало.

По телевизору говорили, что не допустят, что разберутся, что накажут, что не позволят... Чего не позволят-то? Вынимая очередную платежную квитанцию из почтового ящика, Таисья каждый раз ахала: суммы все увеличивались, как на дрожжах.

Выходило, что те, кто в телевизоре, живут в каком-то параллельном мире, и там, видно, они чего-то и в самом деле не допускали и кого-то наказывали за рост тарифов, но сюда, в Таисьян мир, это не доходило. Слишком далеки они были друг от друга.

И вот наступил момент, когда она поняла, что оплатив все жировки, жить до конца месяца будет впроголодь, даже при своих скромных запросах.

Можно было, конечно, сыновьям пожаловаться, денег попросить, и куда бы они делись, помогли, но это было не в ее характере. Как-то так по жизни привыкла надеяться на свои силы, да на Бога.

Поэтому она поехала в церковь и целый час клала поклоны Николаю Угоднику, просила, чтобы замолвил за нее, грешную, словечко в Небесной канцелярии. И Николаюшка Чудотворец как всегда не подвел, уважил.

Два дня почитай не прошло, как ей подружка давняя, Валька, позвонила и сообщила, что в соседнем доме оборудовали специальное помещение и теперь набирают консьержей. Побежали они туда, еще и Ольгу прихватили, тоже из их компании. Но она не подошла, не смогла бы в ночь работать, со здоровьем имела проблемы. А их с Валькой обеих и взяли. Они-то к ночным сменам привычные, всю жизнь в трамвайном депо проработали, а там всякие смены были.

Вот так они тут третий год и работают. Хорошо, светло, чистенько, народ по большей части приятный, все здороваются уважительно, так что грех жаловаться. И телевизор есть, все свои любимые сериалы можно смотреть, никто слова не скажет.

Валька его почти не смотрит, все больше книжки да кроссворды, а у Таисьи от книжек этих только голова болеть начинает. Да и вообще, в их годы чего там читать? Ума-то уж не прибудет.

В этот день как раз Валькина смена была, а Таисья забежала в гости, так, поболтать, то да сё, новостями обменяться. Не всё же только телевизор смотреть. И с живым человеком поговорить хочется. Зашла, да и застряла – дождь пошёл, а она зонт не взяла. Хоть и близко

идти, хоть и лето, а уже возраст, здоровье хлипкое, надо его беречь. Ничего не стоит воспаление легких подхватить. Вон, Ивановна, покрепче их всех была, в прошлом году вот так же, во время летнего дождя не убереглась, не переждала, из магазина вышла и домой пошла, мол, рядом же. И всё, слегла, и прибрал Бог. Вот тебе и рядом.

Ах, если бы не этот дождь проклятый-то... Ничего бы и с Таисьей не было, а так...

– Ой, вот я дура-то старая! – вдруг всплеснула руками Валька. – Я же тебе за разговорами самое главное как раз и забыла сказать! Зарплату-то нам прибавят, представляешь? Теперь по тысяче за смену будет выходить. Ой, красота-то какая! Ну, совсем мы, подруга, с тобой заживём, прямо как королевны. Я внукам подарков накуплю. Ой, Господи-и!

Круглое, полное, в мелких морщинках лицо Вальки расплылось в мечтательной улыбке. Глаза светилось бесхитростной радостью. Она вообще была по-детски простовата, что не всем нравилось, и многие ее держали за не слишком умную.

– Ну и чего ты так всполошилась-то? От радость, прям, – поджала губы Таисья, которую новость совсем не обрадовала. – Денег, что ли тебе мало? Куда их? С собой в гроб забирать? Ты же вон еще и в банке по вечерам тряпку таскаешь, а все тебе мало.

– Зачем в гроб? Ну, ты как скажешь, хоть стой, хоть падай, честное слово, – удивленно округлила глаза

Валька. – У меня же внуков семеро, да два правнучка. Одних дней рождения сколько. А еще же праздники, Новый год, Рождество, Пасха, да именины. О-ой, что ты-ы! Ну-ка каждому хоть конфетку, хоть пряничек, а купить надо. Вот и посчитай сама.

Оно и вправду, что Валька, что ее муж Рашид, в детворе своей души не чаяли, все свободное время у них проводили. Три сына жили по разным концам Москвы, и они с дедом, не считаясь со временем, не жалея себя, мотались к ним, помогая, чем могли. Иногда и после ночного дежурства, прямо без отдыха Валька ехала куда-то, где нужна была.

«Ой, Петрушу в кружок надо вести, а никто не может», – объясняла она на ходу. «А дед-то где? Пусть он ответит, побереги себя-то», – возмущались ее пожилые подруги. «Ой, дак дед с Сережиными сидит. Ветрянку малая из садика принесла. Теперь вот все трое ребят и болеют, старшие в школу не ходят». «Так пусть бы старшие за младшей-то и присмотрели. Чего же переться-то? Справились бы». «Да, присмотрят они тебе, жди, – махала рукой Валька, – телевизор будут смотреть целый день, пока родителей нету. А то еще и подерутся, с них станется. Одно слово – дети». «Ну, смотри, Валька, – говорили ей, – доездишься ты со своим давлением. Так и свалишься где-нибудь в метро или по дороге». «А-а, всё одно помирать, – смеялась беспечная Валька, – никто на этом свете не останется, а так хоть не зазря пропаду, с пользой».

– А чего у них пряников, что ли нету? – недовольно сказала Таисья. – Без твоих прям пропадут?

– Да чего же нету. Есть, конечно, всё у них есть, слава Богу, а всё ж таки ждут всегда от бабушки с дедом гостинцев. Это же дети! Да мне и самой не с руки пустой приходить. То им мультики куплю интересные, то наклейки какие-то, то раскраски. Старшим это всё уже не надо, так на кино или на мороженое денежку дам.

– Ну, балуй, балуй их. Гляди, добалуешь... помяни моё слово...

У Таисьи внук был один, и взрослый уже, студент. У второго сына детей не было. Не сподобились. Как-то не до детей было поначалу, всё денег не хватало, не хотелось, чтобы в нищете росли, вот и не рожали. Ну а потом уже и всё, поезд ушёл. Несколько лет по больницам тыкались, но ничего не вышло. Ну что, купили себе собачку, да и успокоились. Теперь вот ею занимаются. Принцессой назвали.

Таисья поначалу смеялась, чего там заниматься-то? Хороша принцесса, видеть нечего, кости одни, да и размером с муху. Невестка обиделась, осерчала: «ничего вы не понимаете, мама». А потом рассказала, сколько у нее с этой Принцессой хлопот.

Оказывается, ей нужно ногти подстригать в собачьем салоне, прививки делать, анализы разные, ушки чистить, зубки лечить. Да мало ли... Питание только особое, на заказ, с биодобавками. Шампунь специальные, лечебные и с витаминами. Чтобы не мерзла на улице, приходится как человеку одежду ей покупать. А она дорогая, да и менять ее нужно часто. Не позориться же в одном и том же. Зимой и летом одним цветом. Сережки вот купили недавно, не абы какие, а с бриллиантами. Она же у них чемпионка. По выставкам разным ее показывают и медалей золотых у нее, как у Ирины Родниной. Ой, ну а случка! А роды! «И не спрашивайте, мама, чего нам это все стоит», – заверила ее невестка.

Таисья и не спрашивала. Чтобы душу себе не травить. А недавно вот узнала, что для Принцессы наняли специального человека, чтобы был с ней дома, пока Юра с Олей на работе. Видите ли, собачий психолог сказал, что она скучает одна и очень страдает без родителей.

Честно говоря, Таисья после этого с сыном даже поругалась.

– Работаете на одну собаку и живете для нее. Прямо идола себе какого-то из нее сделали! – в сердцах высказала она сыну по телефону. – Это надо же – собаку к психологу возить! Какие вы ей родители? Неуж-то мы собаками теперь размножаемся? Лучше бы дитё из детдома взяли, всё какая-то радость, чем столько сил и денег на эту тварь тратить!

Сын тоже обозлился, вспылil, только сказал, что не собирается чужую кровь воспитывать и бросил трубку.

Ага, чужую кровь... А собачья-то кровь, видно, им не чужая... Вот вырастила на свою голову. Тащила их, тащила, образование дала, а что толку-то? По профессии ни один не работает, все только на этом бизнесе повернутые. Бизнесмены теперь все. Вся страна, от мала до велика...

И в кого они такие? Она же никогда за деньгами не гналась, наоборот, прямо шараялась от них. Прочитала давно, еще по молодости Евангелие. Конечно, мало, что поняла тогда, да и сейчас, по совести сказать, понимает не намного лучше, хоть и читает его регулярно. Но спрашивать ни у кого не стала. Еще чего! Вон, бабки старые, темнее некуда, из образования два класса да три коридора, и то понимают. А она, молодая, да с техникумом неуж-то пойдет позориться и спрашивать? Сама уж как-нибудь разберется, не маленькая. Тем более, что основную идею она и сама с первого раза, без всякой помощи поняла: в рай попадут только бедные. Таисья это навсегда запомнила. Так и впечаталось в память: «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в Царствие Небесное»². И еще сказано, что спасутся «нищие духом»³, где ключевое слово, как она поняла, «нищие». Вот с тех пор она от денег-то, как от огня бегала. И на тех, у кого денежки водились, смотрела с откровенной жалостью – не видать им, бедным, рая.

Поэтому ее так не обрадовала новость, принесённая Валькой, про повышение заработной платы. С таким доходом уж какая тут бедность... Э-эх, пропадёт душа!

² Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 24; Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 25.

³ Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 3: «Блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царствие Небесное».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.